

ИВАН ЕРМОЛАЕВ

НОМО
НОМИНИ

Иван Ермолаев

Номо Номини

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29422070

Иван Ермолаев. «Номо Номини»: Издание книжного магазина

«Циолковский»; Москва; 2017

ISBN 978-5-9908592-8-9

Аннотация

Сочетание глубоко продуманных революционных мотивов и глубоко прочувствованного недогматического христианства в сознании автора позволяют Ивану Ермолаеву без всякой позы и пафоса вновь поднять на знамя поруганное, было, имя Утопии – родины всех мечтателей, пролетариев и поэтов.

«Поэзия разлита в воздухе, как скульптура, по Микеланджело, спрятана в глыбе мрамора. Осязаемые явления бытия – люди, деревья, «реки и улицы – длинные вещи жизни», луна со всеми немислимыми эпитетами, которые можно к ней подобрать – способны служить материалом для любого вида искусства, будь то поэзия или проза, музыка или живопись. Но у каждого искусства есть избранное явление – то, которому оно уделяет больше всего внимания, – и для искусства поэзии таковым является речь, прежде всего звучащая речь.»

Содержание

Стать большим	5
I	13
Дон Кихот. Ямбы	13
Ершалаим	14
Реликтовый блюз	16
Чинук	17
Лунный камень	19
Экклезиаст	21
Вид с балкона	22
Шторм	24
Вавилонская библиотека	25
Regina Coeli	26
Оно	28
Урал	29
II	30
Рыба в воздухе	30
Вифлеем. Ямбы	32
Бхагавад-Гита	33
Рерих	34
Времена года	36
Ганг	37
Adagio	39
Лакшми и Будетлянин	40

Мечты о лучшей жизни	42
Суфийская мудрость	43
Реанимация	44
Пейзаж в духе примитивизма	45
Ш	46
Изенхаймский алтарь. Распятие	46
Ламентация	48
14 нисана. Ямбы	50
Мыс Рока	51
На суахили	53
Романс	54
Соловей на семи дубах	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Иван Ермолаев «Ното Нотіні»

Статьь большим *Вместо предисловия*

Аз есмь Иван, Ермолаев сын, в лето от Рождества Христова две тысячи шестнадцатое...

А впрочем, Бог с ним совсем. Я, Иван Ермолаев, писал стихи, составившие настоящий сборник, в течение почти четверти моей жизни. Эти годы вместили в себя множество людей, книг, видов из окна, запахов, звуков, шума времени, наконец, – и всё это так или иначе отлилось в стихи. Именно средствами поэзии и поэтики я, как сказал Мирон Фёдоров, «придумал себя и собрал по частям».

Можно сказать, что я думаю лирическими (условно говоря) стихотворениями, как Сезанн, – по выражению Мераба Мамардашвили, – «думал яблоками» – вечными героями его картин, символами отношений друг с другом явлений жизни. Стихотворение одновременно представляет собой и выражение определённой грани мировоззрения автора, и появление таковой грани; попросту – стихотворение как вбирает в себя уже накопленный его автором опыт, так и открыва-

ет новую страницу опыта. Стихотворение – форма познания автором мироздания и форма предъявления себя мирозданию. Такому отношению к поэзии я начал учиться задолго до того, как стал всерьёз писать стихи.

Поэзия разлита в воздухе, как скульптура, по Микеланджело, спрятана в глыбе мрамора. Осязаемые явления бытия – люди, деревья, «реки и улицы – длинные вещи жизни», луна со всеми немислимыми эпитетами, которые можно к ней подобрать – способны служить материалом для любого вида искусства, будь то поэзия или проза, музыка или живопись. Но у каждого искусства есть избранное явление – то, которому оно уделяет больше всего внимания, – и для искусства поэзии таковым является речь, прежде всего звучащая речь. Каждый способен, проходя мимо Храма Христа Спасителя и читая вывески на окрестных магазинах, ненароком прочесть соседствующие «Розовый мир» (цветы) и «Монастырский хлеб» как «Розовый хлеб», каждый может сболтнуть достопримечательную оговорку и даже заметить, что она «по Фрейду». Но не каждый способен вычислить в этом элемент поэзии. Это доступно немногим, называемым в просторечии «поэтами».

Эта первая и основная фаза работы поэта – живописец сказал бы: «Грунтовка холста». Далее следует копание в собственном небогатом опыте, тщетные попытки привязать к «розовому хлебу» какой ни есть, хоть захудалый, древнегреческий миф, поиски в речи окружающих верной рифмы

к слову, например, «гипофиз» и прилагательного, должным образом характеризующего луну. Тут можно пойти пить пиво со знакомыми люмпенами, отправиться на лекцию «Есть ли жизнь на Марсе?», поставить диск избранных песен Леонарда Коэна, помусолить энциклопедический словарь – или вспомнить, как пил, отправлялся, ставил или мусолил неделю или год назад, а может статься, что и в предыдущей реинкарнации. Нужные метафоры, аллитерации, рифмы, да и просто слова, про которые сразу понимаешь, что они «единственно верные» – не замедлят появиться. Теперь необходимы бумага и пишущий прибор.

Четверть жизни превратил я в нечто подобное, и не склонен жалеть о том. Стихи постепенно сделались единственной вещью, к которой я отношусь абсолютно серьёзно, но ведь они – отражение и рефлексия всего остального, с чем приходится сталкиваться их автору, и, стало быть, миру не с чего быть в обиде на поэта. Поэт переводит жизнь в стихи, поэзию в поэтику, тленное в непреходящее, по гениальному определению Влада Тупикина, – «подходит к мирозданию словно бы с ножом для разрезания бумаги». Думаю, я справляюсь с этой должностью.

Я учился, учился и ещё раз учился этому у многих людей, и не только поэтов. В роли учителя вполне может выступить и художник, написавший поразившую поэта картину, и режиссёр, снявший ошеломивший его фильм, и всякий человек, мысли, поступки, улыбки, повороты головы кото-

рого круто изменили взгляд поэта на мир. Впрочем, учатся не только у хорошего – многие лица и события в мире преподают отличный урок внутреннего, а иногда и внешнего сопротивления. Но чтобы понимать такие вещи, быть поэтом совсем необязательно, то есть эти уроки преподаются не одним творцам искусства, а всем, кто вооружился достаточной чуткостью и вниманием.

Благодарности тем, кто так или иначе попадает в обозначенную выше категорию учителей, разбросаны по стихам, здесь же я бы хотел назвать именно поэтов – тех, чьи стихи во многом определили мою поэтику. Это Велимир Хлебников, Иосиф Бродский, Владимир Маяковский, Егор Летов и Виктор Соснора.

Мне думается, что этих поэтов (как бы Бродский ни противился постановке себя в данный ряд) объединяет ясное сознание полного взаимопроникновения поэтической формы и содержания и вытекающее отсюда отношение к языку (что бы там ни говорил Маяковский) как к прямому проявлению Божественного. Не-поэту можно попробовать объяснить это свойство (если не-поэту в принципе можно объяснить поэзию) как отсутствие возможности изложения сказанного в стихотворении другими словами, даже другими звуками: попробуй заменить в строчке эпитет – он потянет за собой аллитерацию, а из-за этого развалится рифма, в итоге прахом целое стихотворение. Названные поэты предельно серьёзно относятся к своему делу, намеренно усложняют ритм стиха

для того, чтобы не допустить в строку лишнего слова, слога или звука. Отсюда – признание ритма первоэлементом поэзии, отношение к стихотворению как к молитве.

Молитва одновременно сугубо личный акт и представительство перед Богом за мир – и это положение представляется мне важным для понимания моего взгляда на поэзию, воспринятого от главных для меня поэтов. Такими я и вижу свои стихи, и больше ничего не хотел бы к этому добавить, ибо, во-первых, этим сказано всё, а, во-вторых, неприлично лишать хлеба литературоведов.

Остаётся добавить, что поэзия, трактуемая таким образом, то есть, за неимением более точного слова, религиозно, есть акт сопротивления небытию – небытию, разрушающему вместе с автором стихов всё, что он любил и полагал значимым для себя и мира. Мои стихи – в первую очередь попытка увековечить и хотя бы как-то возвеличить в глазах всепожирающей вечности моменты соединения моего сознания с сознаниями двух самых важных для меня людей – Влада Тупикина и Саши Малиновского. Для стороннего человека коротко скажу, что их значение в моей жизни приближённо равно значению Сократа для Платона или Иисуса для Иоанна Богослова. Я оставил в своих стихах, коим судьба пережить автора и его героев, отпечатки их обращённых ко мне слов и жестов, и того многого, чему затруднительно дать характеристику в прозе.

Приходится только помнить о том, что и стихи не вечны:

книги уничтожаются временем, как и всякое физическое тело, и рукописи горят не хуже многотиражных изданий – а если даже и не горят, я всё равно не исполнен декадентского порыва чуть что обращаться за подмогой к сатане. Память же умирает вместе с людьми, хотя и является устройством для растяжения бытия какой-либо сущности на более продолжительный срок. «Прежние поэты считали, что жизнь мгновение по сравнению с вечностью, я же полагаю, что жизнь мгновение даже по сравнению с мгновением», – так, кажется, говорил Введенский.

Так что же остаётся?..

***

...Виктор Соснора заметил в одном интервью:

– Ничего нет трагичнее, чем разговоры о «вечных идеях», о «вечном искусстве», о «будущем». Ничего нет нелепее, чем малюсенький человечек, возносящий себя к вершинам вечности...

Журналистка задала резонный вопрос:

– Что же остаётся делать этому «малюсенькому человечку»?

Поэт ответил:

– Стать большим.

***

Стать большим.
Пропасть во ржи
Моя Родина – пропасть во ржи,
Абсолютная пустота.
Ей дано не пропасть во лжи,
Даже если в кустах та, –
Где ближайшие камыши.

Ей дано не хмелеть от трав
И – в отличие от прочих Родин –
От грибов; и меня взял страх,
Что до неё просто туго доходим
Мы – мухоморы её дубрав.

Раззудись плечо, размахнись рука,
Взмахом прочь с лица комаров, нас да ос;
В её новом РККА
Я – Капитан Отрешённый Даос
На 50-ом Ка.

Между мной и тобой не мост, а USB,
И колосья рыжие мокнут.
Пропасть молвит: «Война, и тебя могут сбить».
Я ответил: «Её тоже могут» –

Иногда здесь и Родина подсобит.

Всё нормально и падаю вверх. Осётр

Золотой и молочная в небе река...

Рыжей гружённый рожью осёл...

Рожь и пропасть – кисельные берега...

И всё!

I

Дон Кихот. Ямбы

Скача по Пиренеям перемен,
Проплыв до Рейна следствий от Ла-Манша
Причин, жуёт свой солнечный пельмень
В моём боку свербящая Ламанча.

Светило льёт свой призрачный восторг
На город грёз не шатко и не валко.
Дорога, не ведущая в острог,
Стократ длиннее, чем её товарка.

Над Барселоной реет алый стяг.
Ты сладко спишь на снежной пелене и
Мотаешь сны о горних волостях,
Где не нужны ни мы, ни Пиренеи.

Там средь камней небесных сердолик -
Как лошадь императора в Сенате,
И Бог, членистоног и сердолик,
Имеет вид Христа на Росинанте.

Ершалаим

Ершалаим – дождём на Шербур Леграна:
«Цекуба», стрихнин, калитку на ключ закрыли,
Пепел – Пилату, звёздная пыль легла на
Жёлтые кудри ангелам и за крылья.

Красен курган, да крест на нём не по ГОСТу –
Он ни в Клио не вечен, ни под Селеной:
В вещей тоске с заброшенного погоста
В небо глядит, в Сикстинский плафон Вселенной.

Люди и камни, видимо, лишь наброски
К иконостасу Медичи, коль в их бельмах
Не опочил Гомер, а в морщинах – Бродский, -
И ни трески, ни мысов, ни колыбельных.

Ни кораблей, ни списков – как ты хотела;
Струнами сплёл Сиятельный Многоженец
Смешаны с хором фурий «Chelsea Hotel`а»
Бас Леонарда с блюзовым хрипом Дженис.

Но ночному июньскому небу Джоплин
Козн и Со. – иудины тетрадрахмы;
Начав с нагого ланча, закончат воплем
Вышедшие в дорогу бродяги дхармы.

Сядет под древом снятый с креста Всевышний,
Раскрыв Книгу Жизни, как «Илиаду» Шлиман –
Не разглядит за декоративной вишней
Звёзды и нимб луны над Ершалаимом.

Реликтовый блюз

Сырой Борей витийствовал за ржавой водосточной трубой.

Вселенная болталась на подгнившем одиноком гвозде.

Заря играла клезмер на границе между мной и тобой.

Ракитовые заросли палили по падучей звезде.

Сырой Борей витийствовал за ржавой водосточной трубой.

Вселенная болталась на подгнившем одиноком гвозде.

Заря играла клезмер на границе между мной и тобой.

Ракитовые заросли палили по падучей звезде.

Богиня на блакитном небосклоне зажигала февраль.

Гандхарвы с лепреконами свирели в разрывную свирель.

Деревья свирепели, уносимые тайфунами в рай.

Рога Иерихона пробуждали сиволапых зверей.

По сонным рекам и хайвеям пролегал Естественный Путь.

В воздушных шариках Незнайки созидался адовый груз,

А в перегонных Фауста шкварчала философская ртуть,

И Мефистофель подвывал ей мимо нот реликтовый блюз.

Чинук

Кружим над Сагарматхой. Размах крыльев Чинука –
Ни процента неба и сто от ветра.
Я искал вертолёт поломанный. Починю-ка, –
Думал, – его и себя, – и не ждал ответа

На вопрос, который не смог поставить.
Смесь не остывшей бумаги и никотина
Опустилась на мою скатерть. Та ведь
К чужим сигаретам всегда терпима.

То, что прилетело с улицы, у лица
Моего проплывало таким же табачным дымом
Да газетной новостью, – у лося
В зоопарке рога стали дыбом.

Вероятно, Чинук – это что-нибудь по-индейски,
Вроде Большого Воздушного Змея или поменьше.
Такой большой должен быть, наверно, и детский
Такой, что в него не войдёт ни моей вещи.

Разделённой Любви куски сходятся там, где шпал ось,
Где за далёкой ставней видны лишь шторы
Не одной шестой или что от неё осталось,
А всего, что я видел. Не знаю, – экрана, что ли.

В тех краях мы наивней, да и вода проточней,
Кружим над Катманду, там к Шанкару с ситарьим воем,
Там до Лхасы...

пешком...

или даже юго-восточней...

Если за Лхасой и Ерусалимом вообще есть живое.

А как на крови Александра – червивые рты воробьёв:
Вот те вся кипячёная грязь, вот те вся ледяная Ладога –
Путь туда и сюда от слуги двух господ до хозяина двух
рабов.

Так прости ты меня, небожителя, братец Каин –
Видно, то была худшая в нашей отаре овца,
Раз она положила на общее сердце кинжал и камень,
И мне далеко до тебя, как лошади до овса.

Че Гевара на красной футболке – флаг Хемингуэевой
Кубы –

Схвачен в четверо рук, равно в четверо ног простыня;
Переплавить луну в серебро, влить в твои несказанные
губы:

Прости меня...

...мы утонем, едва не доплыв до Утопии,

С лунным камнем на шее вдоль сердца, с распятием
поперёк,

Причащая друг друга касанием сонных ресниц в
плесневеющей топи и

Горечью пыли в снегу и слезах, что Мор для нас поберёт.

Экклезиаст

Там, где цветёт пьянящим зелёным роза пустынь – пейот,

Где краток и облачен день, а ночь – вообще микроб,
Под незримой защитой Того бессмертного, кто не пьёт,
Мы летели, как рюмки в стену, к лучшему из миров.

Кедр, кипарис, олива и пальма смотрят сквозь тень
креста

На злое прыщавое небо в пергаментных облаках.
Над посеребрённой снегами тайгою крылом клеста
Распластаны ласты Кассиопеи на каблуках.

Голубым парусам заката, клубничным его китам
Вовек не изведать забот родившихся на мели,
Где в футлярах гниют гитары под ласковый плеск гитан
И прибит деревянный зной гвоздями к лицу земли.

Горит в абрикосовой мгле пионерским костром восток.
Подпирает плечами космос античный энтузиаст.
На заплаты и лепестки разрывает слепой восход
Не вписавшийся в полукруг квадратный Экклезиаст.

Вид с балкона

Вид с балкона: осенний бал
Листьев, бензоколонка «Shell»,
Ветер рьян, и пустует бар.
Non, je ne regrette rien, mon cher.

Чёрный грайм и трамвайный джаз,
Враний грай, воробьиный визг...
Первый лёд лёг как верный шанс
Сбацать первый в сезоне твист.

Двадцать первый в сезоне шах!
За щекой, как припухший флюс –
Строчка Пригова, а в ушах –
К смерти приговорённый блюз.

После станет сердца цеплять
Оголтелое кабаре,
И зима, как в той песне, – глядь! –
Вся в опале и кабале.

Вгрызся в голову короед,
В воспалённых глазах плакат:
Кавалерия королев
На пергаментных облаках.

Это будет не скоро. Днесь –
Кислый дождь и горчащий чай,
Да лелеет молочный Днестр
Стеариновую печаль,

И стремит по стремнине прочь
Сквозь озоновое окно
Силуэты ушедших в ночь,
Как когда-то – бойцов Махно.

Шторм

Приусмягнувшая¹ заря над штормящим Хвалынским морем

Каплей крови в глазах твоих гаснет, нежных и так печальных.

Дирижёр дирижаблей, ветер державы нездешней, голем, Оживлён человеческим горем, падает на песчаник.

Он глумливо хохочет и плачет, лижет голеностопы Нам с тобою, и оползни в пиктограммах в кольце тумана. Преклоняет маяк перед нефтешкой колена, чтобы Стать аквариумом в сухом подсознании океана.

Расплывается в сточной канаве, как кровавая клякса, Волчья ягода Марс, утопает, глухо прилежно стонет... Осознавший шальную радость ни в чём никому не клясться, Кипарис, перекручен нордом, чернеет, как римский стоик.

---

¹ «Приусмягнуть» (арх.) – «лишиться румянца».

Вавилонская библиотека

Борхес описывал рай как большую библиотеку –
Его представление мало похоже на рай мещан.
Тлеет воск, увядает роза, алыч надрывает деку,
Даруя обидно обыденный смысл непростым вещам.

В воспоминаниях мавра о венецианском дожде
Ты повисла на люстре промежду пламенем и теплом:
Невидима и свободна – что, в общем, одно и то же, –
Фотокарточкой три на четыре вложенная в диплом.

Мой обкусанный карандаш плывёт по тебе, как тропик
Козерога ли, Рака ли – по *arbeit macht frei* и *charmant*.
Мы встречаемся здесь же, в саду расходящихся тропок,
Чтоб рвануть автостопом в нирвану, как пустота в шалман.

Мне кажется, это здесь: на Луне – в неземном подвале, в
Окрестностях Марса – на пыльном заоблачном
пустыре...

Мы спрячемся под философский камень, как бет под
алеф,

Перед тем как повеситься на разохшемся костыле.

Regina Coeli

Фессалийская нимфа, правнучка Океану,

Мегера для Зевса, Евтерпа для Прометея –
Ева со взглядом Лилит, с овалом лица Киану
Ривза, наследница всех жемчугов Протея.

Миф о Вечном Невозвращении, точно «Шутка»
Баха, но шлях Ириды в глазах всё уже;
Где-то, в царстве Аида – мёртво, темно и жутко,
Здесь же, в доме Эола – повсюду глаза и уши.

В этом зеркале ты одна, не моя лимнада:
Только тот, кто хранит имена от «Гомер» до «Моэм» –
Ветер со вкусом аниса и лимонада –
Разносит твоё «эгегей!» над Эгейским морем.

Дочь пены дней и наместника в Тир-Нан-Оге;
Люси из песни Леннона; Магдалина,
Что растирает Христу розмарином ноги;
Под камнем в ладони заглохшая мандолина.

Вся в серебряных радугах, как Аристарх Лентулов,
В хипповом прикиде из пламени, льда и снега –
Жуй свой розовый хлеб, глуши свою политуру в
Монастырском саду, опрокинутом Богом с неба.

Оно

Когда исчезнет то и это, то тогда придёт ничто –
Оно и брахман, и атман; оно и штиль, и шторм.
Но оно не Гитлер и не Ницше, и не Ленин-Маркс;
Оно – то, что дают в сумме чёрная Венера и белый
Марс.

Оно – безличные Христос и Будда в одном лице;
Оно обязано цветами песцу и черно-бурой лисе.

Оно – Дао и Дэ; оно – Инь и Ян;
Оно – Ильф и Петров или ты и я.
Оно ни за, ни против; ни здесь, ни там;
Оно – гитара Харрисона и шаманский тамтам.
Оно – осенний вихрь из хайку Мацуо Басё;
Оно – ничто, а, стало быть – всё.

Оно больше христианства и буддизма школы чань.
Оно стоит того, чтобы его ждать.
Оно – кастаньеты в арагонской хоте.
Оно не говорит, но умеет отвечать.
Оно не борется, но умеет побеждать.
Оно само приходит.

Урал

Над условной рекой абсолютной любви зима.
Подо льдом – пустота, как за пазухой у Него.
«Мы с Кикиморой встретимся, – рёк домовой Кузьма, –
Где условное солнце встаёт за горой Нево».

За пределами сна не видать ни хрена, ни зги.
Нить Ариадны душит веретено.
Темнота – это суть вещей, милый друг: не жги
Электрический свет, когда за окном темно.

Из Большого Ковша пьёт заоблачный леопард
Разливную волну по-за сумеречной кормой.
Что ты знаешь о страсти Антониев-Клеопатр,
Молодая, как мир, одинокая, как гармонь?

Заспиртуй мою голову и положи в бадью,
И, путив по течению вверх, расскажи о том,
Как глухой живописец сопротивлялся небытию,
А слепой музыкант был уверен, что он – Атон.

II

Рыба в воздухе

Рыба в воздухе.

Полночь в комнате.

Наши в городе.

Выкрики вроде «послушай гимн!» и «прими девиз!»
Мы живём на каком-нибудь Норфолке или Говарде -
Воплощаем в реальность жизни примитивизм.

Время схоже по консистенции с тембром Визбора.
Пространство рассеяно в одиночестве и толпе.
Одна пустота для эксперимента избрана.
Восток на фонарном, а Юг на тотемном распят столбе.

Я разжалован из Ерофеева в просто пьяницы,
Я стал богаче духом, умом скудей -
Но, как фонтан на какой-нибудь римской пьядце, не
Похож ни на чашу Грааля, ни на скудель.

Сделай, чтоб не было отдыха и усталости,
Будь звонарём, когда я архимандрит -
И звезда Альтаир поплывёт по нам, как по талласе,
В Бомбей и Калькутту.

Не хочешь?

Ну, так в Магриб.

Рыба в воздухе.

Капля в море.

Слепая выемка

Между ключиц.

Осенний пейзаж с ветлой.

Зрачки расширяются, как на выставке Карла Виллинка,
Не оставляя сомнений, что здесь светло.

Вифлеем. Ямбы

Собрать с листа чернила в авторучку...
Михаил Жванецкий

Мы родились в краю, где тишь да гладь.
Осталось жить на первую получку.
Закрывать глаза и перестать дышать.
Собрать с листа чернила в авторучку.

А чуть луна прольёт свой алый воск –
По городу сирена проскандалит,
Ударят стрелы Иродовых войск,
А может, семя в голову ударит.

Ударит гром. Мы выйдем на причал,
И звёзды загорятся на затылке.
Из всех путей нам будет по плечам
К оракулу Божественной Бутылки.

Вперёд и вверх. Из Вифлеема в Трир.
Восток истлел, и лунный луч отключен.
Мы поплывём без кия и ветрил,
И вёсла оторвутся от уключин.

Бхагавад-Гита

В небе ни лунных бликов, ни смысла врать.
Мы распивали «Бехеровку» в лощине.
Ты говорил, я – Бог, но я только врач,
Препод по авиации превращений.

Арджуна, удаляющийся в альков,
Весть разнеси по всем твоим гримуборным:
Ночь отлетела,
с пасмурных облаков
Скалится солнце – широколицый Борман.

Гнать его, некротического, взашей,
К неукротимой Сцилле, как сон, глубокой! –
Освобождая юг, где цветёт женьшень,
Север, заросший клюквой и голубикой.

Что ты орёшь? – Я сдал твою жизнь внаём;
Будь как столица с заспанными дворами,
Рыба в воде, корова на льду в моём
Плюшевом замке с выбитыми дверями.

Рерих

Бирюза и настойка пиона – Земля,
Торф и жжёная умбра – Небо,
Часовые на линии горизонта –
Пепел и розовая пастель.
Облака суть не более чем симиляр
Кип бумаг и сугробов снега –
Если Бог есть Любовь, а жизнь – это сон, то
Облако выглядит как постель.

Диоскуры – Луна и Земля, гора с
Рекой – Пилат и Афраний,
Под увядшей звездой и под каждым камнем
Прячутся Нестор и Карамзин;
Кто из вас тут до завтра дожить горазд? –
Молчи, не звука охране! –
Если туча пройдёт, мы ко сну не канем –
Лужи окрасятся в кармазин.

Марганцовая дымка до снежных вершин,
А теллутовый снег до самых
Требников на перекрёстках мандалы
И пустопорожних Ковшей...
Но когда вам приснится – режим несвержим, -
Просыпайтесь в своих дацанах:
Друзьям Даниила ставят мангалы,

Берег Леты полн камышей.

Ржавчина скоро покроет листы дерев
И цилиндр потеснит котелок в моторе...
Правду – игле и ногтю, стихи – куплетам,
Раздари друзьям наших слуг;
Во избежание казусов протерев
Подоконник с выходом на крематорий,
Укрываясь от мира верблюжьим пледом,
Читай мне Булгакова вслух.

Времена года

В окно глядела вьюга-Гжель. Заснеженный асфальт
Ловил белёсых блох и вшей. – «Осаль меня, осаль!» –
Венера выла в темноту дворцовому Творца.
Я наблюдал их tea-for-two с холодного крыльца.

Собачий хлад себе возьми крысиныя возни,
А мне оставь цветные сны весёлыя весны.
Кряхтит на кочке коростель, нацелясь на хурму.
Я умираю на кресте и вскорости умру.

Но грянет лето. Воскрешён, я приглашён в ваш дом.
И вот я пью у вас крюшон, листая «Тихий Дон».
Как хороша в июльский зной река Самбаион!
Начнётся август сам не свой. Потом пройдёт и он.

Спадёт жара. Подует бриз. Меня начнёте звать
На семь по меньшей мере из четырнадцати свадьб.
Невеста плакала в фату, жених был бел, как мел.
Я ихний тихий tea-for-two без умысла сумел

Пересобачить в день забот. Но холодно весьма –
И Рождество, и Новый год, и новая зима.
Замах стеклянного меча, хрустальная блесна.
А следом – чача, ча-ча-ча и Вечная Весна.

Ганг

Калейдоскопы
Твоих глаз
Бередят мандариновую траву
На берегах Ганга;
И пироскафы
Смотрят на нас,
Ищут лаз
Степлер и скобы
Там, где больше шума и гама.

В твоей артерии кровь и алкоголь с глицерином.
Вода – только микстура против
Поверхностного атеизма, ведь глянь – цари в нём
Сажают на противень.

Но это пройдёт, несмотря, что под
Прахом Джорджа вырос табак,
Коровы пожрали лотосы, пот
Градом. Пройдёт, так как

Хотя пироскафы
Смотрят на нас,
Ищут лаз
Степлер и скобы
Там, где больше шума и гама;

Adagio

Стол под открытым небом, как парафин под барием.
На полках сплошные Белинские, Тэны, Ревзины.
Двадцать томов Толстого осажжены гербарием,
Семьдесят остальных – попросту не разрезаны.

В отдалённом минувшем обыск, СИЗО и прения,
Полотна Дали вместо окон.
Остались спереди
Лишь кресло-качалка да Нобелевская премия –
Вступление fower power в дни prosperity.

Забудутся соревнования в остроумии
И в покер да бридж.
Перестанут казаться странными
Расхождения дзэн-буддизма и астрономии
При одинаковом небе над всеми странами.

В одиночестве, что безвкусней ноябрьской рани, и
Журчащем в усталых ушах, как вода в сифоне – и
Перемена Евтерпы, Талии и Урании
Неожиданней, чем ададжо в конце симфонии.

Лакшми и Будетлянин

Наши зрочки заблудились в тиши водных лилий –
Я иду по воде чудесных планет,
А ты у нас по
Тростникам в грозовой кабинет.
Мы пили эту чистую воду, которую нам налили –
И я даже на спор
Не поспорю, что меня нет...

Я шагаю по пристани –
На мне взгляды пьяных прохожих
И чужой больничный халат,
Пожар в груди и мороз по коже.
Я укрыл мои тексты в хрустальные простыни;
Может, это звучат Тирн Рам и Тирн Хлад,
А может...

And you`re listening quite queer noises,
И в твоих веках тонет иней,
А снежок укутал ноздри.
Ты не хочешь петь, да и не
Вспомнишь вдруг ни одного из
Моих слов, уснувших возле
Ручья в твоей долине...

А ты уводишь меня

Всё дальше вверх, дальше вглубь,
В Петербург чёрно-белый,
В Ленинградскую мглу, в
Мозольную влагу на пальцах менял,
К Жаклин и Пикассо, к Шагалу и Белле,
В допитый битлами клуб...

Там горят поезда,
Срываясь с уставших петель,
Словно капля дождя сквозь трубу – из туч в печь,
А проводница исправно уносит постель.
Семирамиды попрятались по садам.
...И нам двоим Александр Сергеич
Наизусть читает «Метель»...

Мечты о лучшей жизни

Не хочу я жить в навозе,
Ему смертью угрожая –
Лучше поселюсь в колхозе
«Сорок лет без урожая».

На рассвете буду петь я
Цоя с Гребнем без оваций,
Да с соседом дядей Петей
Возлияньям предаваться.

На закате солнца буду –
И молитвен, и неистов –
Созерцать с воззванием к Будде
Битвы храбрых толкинистов.

Суфийская мудрость

О, суфийская мудрость,
Привечают весну
Семипалый Шагал,
Восьмирукий Вишну,

В Индии – Брахма,
Троеглав его зёв,
В Африке – Хэм
И Гумилёв.

Слишком долго вдыхала
Ты тяжёлый туман, –
О, гуру Нанак,
Хазрат Инайят Хан.

Подвенечная Истра,
Изначальная искра;
О, «Москва – Петушки»,
«Путешествие в Икстлан».

О, суфийская мудрость,
Неродящее всё,
Семипалый Шагал,
Трострокий Басё.

Реанимация

Кончилось время, которое разрешало
Кресты на Голгофе, фикусы на окне:
Теперь, – как сказал Маяковскому Предземшара, –
Среди символистов мы будем с тобой акмэ.

В наших кущах полно и мелодий, и слов, и стансов –
Но реанимация суть пора выбирать одно:
Дао дэ цзин – из книг, тебя – из богов, из танцев –
Вальс, из подвластного водной стихии – дно.

Фильм «Хрусталёв, машину!» уже не казался адом,
Едва я пророс в твою землю, как кедр в Бейрут:
Действительно – всюду жизнь, если каждый атом
Картины Филонова – словно обэриут.

Как кровь Будетлянина – рифмы и алгоритмы,
Я чувствую – к горлу подкатывает ЧП:
Но даже ежели рукопись обгорит, мы
Сделаем всё, чтобы снять этот фильм в ч/б.

Пейзаж в духе примитивизма

Проберётся по рее
Соловеющий бриз к
Бухте Гипербореи
В ореоле из брызг.

Юго-западный округ
По весне залинял:
Подмешаем-ка охру к
Неземным зелениям,

Где пейзаж идеален
И лесная братва –
Думал, там Вуди Аллен –
Оказалось, «Брат-2».

Как по райскому саду
Надувные слоны,
Облака да блокада
Тучей жёлтой луны,

Да сплошной Генералич –
Ох, боюсь, что влюблюсь, –
Да Руссо гениальность,
Да таможенный блюз.

III

Изенхаймский алтарь. Распятие

Тридцать лет и три года лежать на печи, а потом – на крест

По останкам титанов, по трупам богов, миновав Олимп.
Ты не то, чтобы умер, а после – не то, чтоб совсем воскрес:

Смерть пришла, но не высосать ей из тебя всех словес и лимф.

Просыпайся, взгляни, как медами слезится по нам Алтай!
Чтоб пропеллеры вторили птицам, наставим для них манков;

Двинем в Арль и с порывом мистралья ворвёмся с тобой
в алтарь -

Нас обоих мазками положит на зыбь парусов Ван Гог.

Или, может, ты хочешь в дождливые тропики, как Гоген?
Или – Брейгель, привет! – надышаться озоном немецких Альп?..

Прокажённая тень, чуть дыша отделившаяся от стен -
Ты такой, как ты есть, и как нарисовал тебя Грюневальд.

Не отверзнется, да и не нужно, твой дряхлый консервный
гроб;

И, пока над окрестностью Ершалаима плешивый смог,
Магдалина и просто Мария услышат у входа в грот,
Как ишачит Борей, чтоб предсмертный твой вздох
никогда не смолк.

Ламентация

Над зелеными оврагов и желтью балок
Брызги огней распускаются из антенны;
Луны – как апофеозы печёных яблок,
Солнца – сухие садовые хризантемы.

С чёрных дерев упадет листва на супесь;
Молния свесилась с тучи стальным канатом;
С ссохшейся ветки ворона кричит, насупясь,
Императив, приодевшись виватным Кантом.

Шмотки нашла на раздавшейся вширь помойке,
Где до неё копошился какой-то люмпен,
И улетела присутствовать на помолвке
Огня и мрака. Убийственно как мы любим!

Ушлое небо любило всегда настырных,
Пишущих заповеди на гнилых обоях,
Как пробивающийся сквозь асфальт пустырьник
Или таранящий грозные тучи «боинг».

Брось эти глупости, не говори о грозном,
Скоро всё кончится – Путин, хохлы, Эбола.
И вообще: как-то жил в Сталинграде Гроссман,
Как-то бежал ведь Печерский из Собибора?

В небе истории, гордом и одиноком,
Пьяное облако горло прочистит в гранже –
Грянет гроза, на фаюмских портретах окон
Высветив хмурые лики Христа и Грамши.

14 нисана. Ямбы

Где связь времён над миром порвалась,
А Иордан оканчивался пляжем,
Теперь – о том на память – венский вальс
На все четыре четверти мы пляшем.

Расчёсывай мне волосы, сияй,
Пока Нептун Улиссов чёлн качает.
Да минет тебя здравица сия
И жизни скоротечность не печалит.

Мой смех угрюм, а пафос – нарочит.
В кино я щедр, а в жизни – лютый скаред.
Дурак болтает. Знающий молчит.
Висящий на кресте не зубоскалит.

Он смотрит с грустной нежностью поверх
Души, что мы, асуры, не разденем,
На тех, кого он некогда поверг
В крошечный рай одним своим рождением.

Мыс Рока

Хуже петли вокруг выи
Мне пустующий крест;
Я сегодня впервые
Агностичен и трезв –

Вышел к людям, вещал
Про буддистов,
Дабы крикнуть вещам:
«Пробудитесь!»

На Тверской ямщика взял и на
Книжный торг повёл рысь –
Там, по приказу хозяина,
Конь опричников
грыз –

Разрываючи вожжи,
Сипя –
Второй том самого же
Себя.

Как, наверно, он мог бы,
Выходя из окна –
Из себя, – как из моды,
Отвезти нас к нам.

И как будут герои той долгой зимы
Удивлены;
Будем ли мы друзьями, житель Земли? –
Будем ли мы?..

А ты выдернута из киота,
Ты в объятиях, как в тисках –
Словно ищешь в потёмках кого-то
И не можешь никак отыскать.

Но пусть снимают про нас «Мы из рока» –
Мы уже здесь и сейчас;
Мы вернулись на мыс Рока,
Пока догорала свеча.

На суахили

Переведи меня на суахили, не то мне страшно –
Мне кажется, что я не бабуин, а макака.
Либералы правы – в каком-то смысле я страж, но
Я охраняю выход из того, что есть «hakuna matata».

Если ты умерла – мне плевать, под мухой или на мушке.
Ежели ты жива, ты вся в фазаньих пухе и перьях.
Тебе нечего делать на их этажах, потому что
Ты не боишься лифта с закрытой дверью.

Люди степей, где солнце прямое, как Маяковский –
Давай спалим в урне разрушенный лепрозорий.
Перед иконой зажжённый маяк, сделанный в воске,
Сказал, что почивший не в идоле рождён не в позоре.

Мы непонятны в различной степени всем, и мои стихи и
Проза едва ли кого-то куда-то манят, но
Если я вправду Лорка, переведи меня на суахили,
Чтоб воплотилась в жизнь наша hasta maniana.

Романс

Вдыхая Розы аромат над,
Как вечность, лучезарной рекой,
В тенистый прибываю Сад: гад
Опутал комель в янтаре, кой

Мог послужить бы для господ-дам
Нехилым лакмусом добра-зла,
Но сверглась свастика на Потсдам,
Легла под вырубленный бра мгла.

Да породит луна протест сну,
А Емельян или Степан – клан;
Пусть Гавриил трубит про весну
И блещут звёзды, как стимпанк-хлам.

Да будет так, да будет свят свет,
И сядет ангел к нам на карниз.
А если всё это – лишь мой бред,
Я возвращаю ваш портрет, Мисс.

Соловей на семи дубах

Виктору Сосноре

Город, где Воланд валандался со своей свитой по мостовой,

Хранит отражения в лужах лун, следы ногтей на гробах.
Вот эта улица, вот этот дом, где встретимся мы с тобой –
Певчий коршун с гусиным пером, Соловей на семи дубах.

По Млечному шляху идут-бредут межзвёздные поезда.
Спускается полночь. Скорей сомлей, поцелуй, на её
губах!

У неба в запасе всего одна бессмысленная звезда –
Бог тебе в помощь, смелей, смелей, Соловей на семи
дубах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.